GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-142-165

Idris Mustambaev: A Personal History Through Ego-Documents

Kh. Maslov
L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
khalil.maslov@mail.ru

Abstract. This author's study presents a biographical episode from the life of Idris Mustambaev – a pivotal figure caught in the crosshairs of political repression during the 1930s in the Kazakh ASSR / SSR. The objective of this scholarly publication is to uncover the internal dynamics of party conflicts through the lens of Mustambaev's personal letter, trace his mental and emotional reactions as a victim of repression, and propose a methodology for analyzing personal narratives within the context of Soviet ideology. The novelty of this research is defined by several aspects. Ego-documents authored by Mustambaev, discovered in the archives of RGANI, are being introduced into academic circulation for the first time, including an original letter addressed to Joseph Stalin and Lazar Kaganovich. These materials complement the letter previously published by M. Koigeldiev and reveal previously unknown biographical details and the intricate struggles within Kazakhstan's political nomenclature. Particular attention is given to the methodology for analyzing ego-documents, grounded in narrative approaches and Hayden White's concept of the "linguistic turn." The author explores and engages with both domestic and foreign theoretical frameworks, enabling an interpretation of the letter not just as a historical source, but as a manifestation of personal identity within a totalitarian system. The findings show that Mustambaev's ego-documents offer insights into individual perceptions of political repression and highlight strategies for self-preservation and expressions of individuality under party dictatorship. The study demonstrates how a personal letter—marked by editorial nuances and internal logic—becomes a testimony of survival strategy, a form of communication with power, and a resource for historical anthropology. The work expands the scope of autobiographical studies in the Kazakhstani context and contributes to the broader investigation of private and public memory during the Soviet period. Exploring Mustambaev's personal documents goes beyond biography; it becomes a tool for recovering cultural and familial memory. Incorporating these texts into scholarly discourse not only reveals overlooked chapters of his life but also sheds light on how personal recollections intersect with collective Soviet narratives. His letters encompass not just factual content but represent a confrontation between personality and ideological pressure. These materials open opportunities for a deeper reading of his autobiography through institutional archives of the OGPU, NKVD, and the Gulag, illustrating the complexity of his life trajectory. Crucially, these ego-documents must be approached with a critical lens, as expressions of subjectivity that oscillate between the author's "I" and external representation. The study raises a methodological dilemma: is Mustambaev the speaking subject of the document, or an object shaped by external narrative forces? This question remains central to ongoing discussions about authorship, narrative construction, and trust in autobiographical sources. Ultimately, the research unlocks new scholarly horizons. Ego-documents offer a gateway into social history, helping break away from official narratives and fostering

© Маслов Х., 2025

a fuller understanding of the political destinies of Kazakhstan's intellectual elite in the mid-20th century.
Keywords: Idris Mustambaev; Goloshchekin; ego-documents; biography; memory; repression; letters; historical anthropology; personal history

For citation: Maslov Kh. Idris Mustambaev: A Personal History Through Ego-Documents. *Gumilyov Journal of History.* 2025. T.152, no.3, pp.142-165. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-142-165

Funding: This scientific article was prepared within the framework of the implementation of the program BR24993173 This research has been/was/is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

Мустамбаев Идрис: персональная история в эго-документах

Х. Маслов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. Представленное авторское исследование – биографический эпизод из жизни Идриса Мустамбаева – знаковой фигуры, оказавшейся в центре политических репрессий 1930-х годов в Казахской АССР / ССР. Цель научной публикации – показать внутреннюю динамику партийных конфликтов через призму личного письма И. Мустамбаева, выявить ментальные и эмоциональные реакции репрессируемого, а также предложить методику анализа персональных нарративов в контексте советской идеологии. Новизна исследования определяется рядом факторов. В научный оборот впервые вводятся эго-документы, И. Мустамбаева, выявленные в фондах РГАНИ, включая подлинное письмо Мустамбаева, адресованное И. Сталину и Л. Кагановичу. Эти материалы дополняют уже известное письмо, опубликованное М. Койгельдиевым, и раскрывают ранее неизвестные детали биографии и политической борьбы внутри казахстанской номенклатуры. Особое внимание уделяется методологии анализа эго-документов: опора на нарративные подходы, теорию «лингвистического поворота» Х. Уайта. Автором изучены и проанализированы концепты отечественных и зарубежных исследователей, что обеспечивает интерпретацию текста письма, как выражения личной идентичности, а не только документа репрессивной эпохи. Применение теоретико-методологической рамки «лингвистического поворота» позволяет рассматривать письмо не только как источник, но как формирующее высказывание субъекта в тоталитарной системе. Результаты исследования демонстрируют, что эго-документы И. Мустамбаева дают возможность показать индивидуальное восприятие политических репрессий, выявить способы самосохранения и выражения индивидуальности в условиях партийной диктатуры. Автор показывает, как личное письмо, с его авторскими правками и внутренней логикой, становится свидетельством стратегии выживания, формой общения с властью и источником исторической антропологии. Работа расширяет поле автобиографических исследований в казахстанском контексте и вносит вклад в развитие подходов к изучению частной и публичной памяти в советский период. Изучение личных документов И. Мустамбаева выходит за пределы биографической реконструкции, становясь инструментом восстановления культурной и семейной памяти. Введение личных документов И. Мустамбаева в научный оборот позволяет не только раскрыть малоизвестные страницы жизни, но и отразить механизмы взаимодействия индивидуальных

воспоминаний с коллективными нарративами советской эпохи. В письмах И. Мустамбаева фиксируется не просто фактологическая составляющая, но и противостояние личности идеологическому давлению. Эти материалы открывают возможность для расширенного прочтения автобиографии с привлечением ведомственных архивов ОГПУ, НКВД и ГУЛАГа, что подчёркивает сложность его жизненной траектории. При этом важно сохранять критическое отношение к самим эго-документам, рассматривать их как выразительную форму субъективности, способную колебаться между авторским «я» и репрезентацией, навязанной внешними обстоятельствами. Формулируемая в работе методологическая дилемма – восприятие И. Мустамбаева как субъекта собственного высказывания или объекта нарративного конструирования – остаётся актуальной в рамках дискуссий о природе авторства, дискурсивности источника и границах доверия к автобиографическим текстам. Итогом можно считать открытие новых исследовательских горизонтов: эго-документы становятся точкой входа в социальную историю, позволяют выйти за рамки официальных нарративов и способствуют формированию более объёмного представления о политических судьбах казахстанской интеллигенции середины XX века.
Ключевые слова. Идрис Мустамбаев; Голощекин; эго-документы, биография; память; репрессии; письма; историческая антропология; персональная история

Для цитирования: Маслов Х. Мустамбаев Идрис: персональная история в эго-документах. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Т.152, no.3, с.142-165. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-142-165

Финансирование: Данная научная статья подготовлена в рамках реализации программы BR24993173 «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» КН МОН РК.

Мустамбаев Ідріс: Эго-құжаттардағы жеке тарих

Х. Маслов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Аннотация. Авторлық зерттеу 1930-жылдары Қазақ АКСР / КСР аумағында орын алған саяси қуғын-сүргіндердің эпицентріне түскен маңызды тұлға – Ідріс Мустамбаевтың өмірінен алынған биографиялық эпизодқа арналған. Жарияланған ғылыми мақаланың мақсаты – І. Мустамбаевтың жеке хаты арқылы партия ішіндегі текетірестердің ішкі динамикасын ашу, қуғын-сүргінге ұшыраған адамның психологиялық және эмоционалдық күйін көрсету, сондай-ақ кеңестік идеология контексіндегі дербес баяндауларды талдаудың әдістемесін ұсыну. Зерттеудің жаңалығы бірнеше қырынан көрінеді. Алғаш рет ғылыми айналымға І. Мустамбаевтың эго-құжаттары енгізіліп отыр – олардың қатарында И. Сталин мен Л. Кагановичке жолданған түпнұсқа хаты бар. Бұл материалдар М. Қойгелдиев жариялаған хатты толықтырып, қазақ номенклатурасындағы саяси күрестің белгісіз тұстарын айқындайды. Эго-документтерді талдау барысында нарративтік әдістер мен Х. Уайттың «тілдік бұрылыс» тұжырымдамасына сүйену негізгі қағида ретінде алынған. Автор отандық және шетелдік зерттеушілердің теориялық ұстанымдарын зерделей келе, хатты тоталитарлық жүйедегі тұлғалық болмыстың

көрінісі ретінде қарастырады. Зерттеу нәтижелері І. Мустамбаевтың хаттары арқылы жеке деңгейде саяси қуғын-сүргінді қабылдаудың қырлары, өзін сақтап қалудың амалдары мен идеологиялық қысым жағдайындағы дербестік көріністері айқындалатынын көрсетеді. Жеке авторлық түзетулер мен ішкі логикаға толы хат – билікпен диалог құралы, тарихи антропология үшін дереккөзі ретінде қарастырылады. Жұмыс Қазақстан жағдайындағы автобиографиялық зерттеулер аясын кеңейтіп, Кеңес кезеңіндегі жекелік және қоғамдық жадыны зерттеуге елеулі үлес қосады. І. Мустамбаевтың жеке құжаттарын зерттеу биографиялық реконструкция аясынан шығып, мәдени және отбасылық жадыны қайта қалпына келтіру тетігіне айналады. Бұл хаттарда фактологиялық мағлұматтан бөлек, тұлғаның идеологиялық қысымға қарсы тұруы да көрініс табады. ОГПУ, НКВД, ГУЛАГ архивтік қорларымен жұмыс істеу арқылы автобиографияны тереңірек талдауға мүмкіндік туындайды. Осы материалдарды сын көзбен қарап, оларды сыртқы жағдайлар әсер еткен субъективтілік үлгісі ретінде қабылдау маңызды. Мақалада ұсынылған методологиялық дилемма – І. Мустамбаевты өзінің сөзінің субъектісі ретінде ме, әлде үшінші тараптың баяндауында көрінетін нысан ретінде ме түсіну қажеттігі – авторлықты, дискурсивті табиғатты және автобиографиялық мәтіндерге деген сенім шекарасын талқылауға жетелейді. Зерттеу нәтижесінде эго-құжаттар қоғамдық тарихқа кіру нүктесі ретінде танылып, ресми нарративтер аясынан шығуға мүмкіндік береді және ХХ ғасырдың орта шеніндегі қазақ зиялыларының саяси тағдырына қатысты толымды көзқарас қалыптастыруға негіз қалайды.
Түйін сөздер: Ідріс Мустамбаев; Голощёкин; эго-құжаттар; биография; жады; қуғын-сүргін; хаттар; тарихи антропология; дербес тарих

Введение

Деятельность Государственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, инициированная К. Токаевым, обусловила вторую архивную революцию в Казахстане. За время работы комиссии в научный оборот было введено колоссальное количество документальных источников из фондов республиканских архивов, ранее имевших гриф «Секретно». Многие из опубликованных материалов раскрывают ранее неизвестные факты исторических событий 1920-1950-х годов Казахской АССР / ССР, объектом научно-исследовательского антропологического поиска становится человек и как его личные визуальные, так и письменные документы. В профессиональной научной среде исторического пространства в последнее 20-летие текущего века активно используется термин «эго-документы». Впервые этот термин был введён Ж. Прессером в 1950-е годы, однако активное его использование и описание методологического и методического инструментария началось лишь в конце XX века и в начале XXI века. Не углубляясь в историю трансформации содержания термина «эго-документы», полагаем, что личные документы изучаемого нами персоналия детализируют события, которые ранее оказались вне поля зрения ученых, раскрывают факты, не ставшие достоянием общественности.

Авторское исследование посвящено Идрису Мустамбаеву, уроженцу Семипалатинской области, участнику «националистической Садвокасовской группировки», а по большому счету ставшего жертвой партийно-группировочной борьбы в Казахской АССР. Цель работы видится в том, чтобы сконструировать эпизод из жизни И. Мустамбаева, показать его эмоциональное состояние и дать оценку ситуации, в которой он находился в период

написания письма.

Актуальность исследования заключается во введении в научный оборот новых фактов жизнедеятельности Идриса Мустамбаева на основе выявленных эго-документов. Результаты проведенной автором работы расширяют автобиографическое и персонально-историческое пространство на фоне формирования казахской политической номенклатуры власти, ее внутреннее противоборство и адаптационные практики выживания в условиях партийных чисток с целью изгнания категории «бывших».

Материалы и методы

В 2006 году в «Сборнике документальных материалов 20-50-х годов XX века» (составитель М. Койгельдиев впервые было опубликовано раннее письмо И. Мустамбаева, датируемое 12 октября 1933 г. Судя по приложению к письму – фотодокумента, письмо – машинописная копия, с рукописной правкой в левом углу простым карандашом номера дела 06785. Подлинник письма хранился в архивно-наблюдательном деле №7386 в Управлении архивного делопроизводства (УАД) КГБ КССР. Содержание опубликованного письма по контексту немного отличается от второго письма, обнаруженного нами в РГАНИ, в авторском анализе опубликованные письма дополняют и детализируют факты.

Основу статьи составили документы, выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Они отложились в третьем фонде «Стенограммы и протоколы Политбюро (Президиума) ЦК КПСС». Первый документ: «Сопроводительное письмо Г. Прокофьева на имя И. Сталина по заявлению И. Мустамбаева», второй - «Письмо И. Мустамбаева в адрес И. Сталина и Л. Кагановича». Первый документ был представлен Георгием Евгеньевичем Прокофьевым, бывшего с октября 1932 председателем ОГПУ, а после реорганизации в НКВД ставшего вторым человеком в НКВД СССР. В 1937 году оказался в печально известном «Расстрельном списке Сталина», однако в отличие от многих посмертно реабилитированных из указанного списка Г. Прокофьев не был реабилитирован.

В письме из РГАНИ, помимо справочной информации по биографии И. Мустамбаева, есть деталь, свидетельствующая о наличии группировочной борьбы в партийной элите казахских коммунистов.

Второй документ – непосредственно авторское письмо И. Мустамбаева в адрес руководства страны И. Сталина и Л. Кагановича с попыткой объяснить о невиновности и просьбой снять выдвинутые против него обвинения в несовершенных деяниях. Письмо написано и подписано лично И. Мустамбаевым со всеми помарками и пометами. Это документ личного происхождения, составленного самим автором и его автографом.

«Лингвистический поворот» Х. Уайта, его тропология перезагрузили методологию исторической науки в плане изучения историописания. Концепты нарративного поворота ввели историю от первого лица, описанные ими микросюжеты, их эго-документы, как писал Питер Берк, очень «важны для осмысления темы личности» (Зарецкий 2021: 185). Эго-документы – это не просто источник от одного исторического субъекта, это многообразный формат личного «Я». Содержание эго-документов варьируется от тематического контекста, в частности, представленное нами эпистолярное наследие И.

Мустамбаева является значимым историческим источником. Интерпретация личных писем должна учитывать общественное сознание той эпохи, соответственно их следует рассматривать в фокусе индивидуальной ментальности и восприятия духа советской идеологии. Личные нарративы, личное письмо могут стать источниками исторической антропологии, повседневных авторских реалий. Основой научного инструментария послужили подходы Ю. Зарецкого (Зарецкий 2008, 2012, 2021a, 2021b), Н. Суржиковой (Суржикова 2014, 2021) Jancke (Jancke 2015) и др.

Литературный обзор

Эго-документы – одно из популярных научно-исследовательских направлений в среде зарубежных авторов. Казахстанская историография отмечена несколькими крупными публикациями, затронувшими предложенную нами проблему. В 2020 году впервые в казахстанском научном пространстве была опубликована монография в документах «Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи»: эго-документы в истории политического террора в Казахстане» (Жанбосинова 2020a, 2020b, 2021). Указанные работы ввели в научный оборот значительный объем документов эпистолярного жанра, дали аналитический обзор и методу их исследования.

Центром внимания исторических исследований представителей школы «Анналов» во второй половине 60-х годов XX века оказался человек, что не только сместило содержание исторической науки, но и определило ее инновационность. Предметная проблематика научных исторических исследований, соответственно, обусловила изменения в методологии и методике исследований. Личные письма информативны сразу в нескольких ракурсах, как, например, Г. Янке считала необходимым изучение условий появления документа, выяснение исторических обстоятельств, оказавших влияние на содержание, упоминание автором тех или иных лиц в тексте, ситуативное влияние на те или иные факты, упоминаемые им, а также примеры идентификации с эпохой, указанными персонами и т.д. (Jancke 2015). Ю. Зарецкий отметил, что Г. Янке (G. Jancke) «…соединяет микро-, мезо- и макроуровни в единое историческое целое…», полагая, что предложенная ею методология может успешно применяться не только в анализе «советской субъективности», но и лучше понять как жизни отдельных граждан СССР, так и советское общество в целом» (Зарецкий 2021b: 26).

Особое мнение в отношении обозначения эго-документов сложилось у Н. Козловой, в ее понимании это были «человеческие документы» или «документы жизни», т.е. все бумажно-материальные «обрывки жизни», сохранившиеся в личном архиве (Арутюнян 2019: 179). Довольно часто описываемые Н. Козловой документы обнаруживались в материалах следственных дел, выявленные при обыске как вещественные доказательства «политических преступлений», а также письма-обращения, подобно личному письму И. Мустамбаева. Исследовательская практика эго-документов свидетельствует о ранее закрытом жизненном опыте «маленького человека», неожиданно оказавшегося в некомфортных условиях бытия. Текст в понимании ученого является фоном его эмоционального состояния, его переживаний не только за свое будущее, но и близких, попавших в опалу по его вине.

Фрагменты персональной истории о И. Мустамбаеве прозвучали в сборнике

«Красный террор: Политическая история Казахстана» (2013), выступление в качестве обвинителя атамана Анненкова, рецензента стихотворения М. Жумабаева «Девяносто» «Алаш ақиықтары: Мақалалар, деректі құжаттар, аудармалар» (2006). Опубликованные данные оказались «документами жизни», доподлинно показывая связь со временем: «Буржуазно-националистический поэт Джумабаев», «между тем, это стихотворение, как справедливо указывал т. Голощекин и в одном из своих выступлений, и в брошюре к девятилетию Октября, – «Казахстан на октябрьском смотре», имеет для нас большое значение, т.к. показывает, что успехи социалистического строительства в Казахстане так велики, что их признал даже наиболее последовательный недавний наш враг, вождь национализма – поэт Джумабаев» (Алаш 2006: 133).

Эго-документы в микроистории стали основой написания «истории снизу», дискурсивные практики их прочтения формируют социально-личную историю общения, а также дают понять алгоритм создания источника, начиная с причин и условий, завершая адресным вектором направления.

Результаты

Исторический контекст личных документов И. Мустамбаева

Из автобиографической справки И. Мустамбаева известно, что он родился 8 ноября 1898 года в Семипалатинске, там же получил образование, там же работал на производственных предприятиях, там же участвовал в военных формированиях Алаш.

В 1920-1930-е годы автономизация Казахской республики обусловила формирование этнополитической элиты. Судя по содержанию письма И. Мустамбаева, его кадровые ступеньки, как у всех, начались со статуса «сочувствующих» до статуса члена ВКП(б) в 1920 году. Далее путь становления казахской элиты был однотипным в терминологии биографических данных: «ответственные должности»; «член бюро» исполкома, губкома, парткома, райкома и т.д.; «заместитель….»; «председатель….», в отдельных случаях ступенька доводила до уровня ЦИК или СНК. Территориальные ротации партийных чиновников шли в постоянном режиме по вертикали, горизонтали и диагонали. Краткая информационная справка в обязательном порядке содержала фразу «не был замечен…», что свидетельствовало об отсутствии отклонений от партийной линии. И. Мустамбаев работал в бытность, когда Семипалатинской губернией руководил Н. Ежов, а Казахской автономией Ф. Голощекин.

Формирование партийной номенклатуры в Среднеазиатских республиках, в том числе и в Казахской АССР, решалось в сложных условиях, как отметила Д. Аманжолова, решение проблемы: «Откуда взять честных и надежных советских работников?» натыкалось на значительные трудности (Аманжолова 2014: 7). Основные противоречия при отборе национальных кадров возникали между наличием образования и статусом происхождения, прошлой политической линией, как «сотрудничество с антибольшевистскими силами или «несвоевременное» признание советской власти». «Синдром бескомпромиссности, непримиримости…», бесконечные партийные чистки и очищение партийных рядов, партийно-клановые столкновения требовали от чиновников бесконечных доказательств лояльности власти и партии (Аманжолова 2014: 7-10).

Становление И. Мустамбаева в качестве партийного чиновника происходило в период

становления Казахской автономии, коллективизации казахского аула, сворачивания НЭП и формирования командно-административной бюрократической системы, жертвой которой он и оказался. Содержание текста его письма отражает нарративы советского времени того периода, когда он находился в обойме партийной номенклатуры. Понятие «националистическая Садвокасовская группировка», прозвучавшая в сопроводительном письме Г. Прокофьева, впервые была озвучена в докладе Ф. Голощекина в 1927 году: «…Но есть национализм байский, алашординский, садвокасовский» (Советская степь 1927). С высоты 1933 года, когда случился провал колхозного строительства, началось бегство казахских кочевников и широкой поступью в казахской степи зашагал «Ашаршылық», уже можно было писать об извращениях ленинской национальной политики, административном произволе, о безграмотном руководстве Голощекина, в том числе о «…всяких зажимах и прижимах со стороны руководства и других тяжелых последствиях…»[1]. Оценка деятельности Ф. Голощекина с фразы «…справедливо указывал…» до «безграмотного руководства…» эволюционировала в короткие сроки с 1926 по 1933 год.

В письме на имя И. Сталина и Л. Кагановича И. Мустамбаев не сообщает о фактах исключения его из партии за связь группировкой С. Садвокасова, его внимание привлечено к теме якобы созданной им организации «Тюркская Народная партия». Однако из партии его исключали не раз как «злостного группировщика», писали в документах. В действительности оппонирование с властью в лице Ф. Голощекина означало приговор и ссылку, что и случилось с И. Мустамбаевым.

№1

Заявление И. Мустамбаева прокурору СССР И. Акулову

Копия
Сов. секретно

ВСЕСОЮЗНОМУ ПРОКУРОРУ

тов. АКУЛОВУ
Лично

Осужденного Коллегией ОГПУ по 58-2/11 УК бывшего члена партии, бывшего члена Союзного ЦИКа, бывшего Уральского и Акмолинского губпрокурора Идриса МУСТАМБАЕВА

ЗАЯВЛЕНИЕ

17 января с.г. во время пребывания в Москве (на совещании директоров вузов) я был арестован ОГПУ и через месяц, после предварительного допроса, 18 февраля с.г. был отправлен к месту работы в Казахстан, в Алма-Ату, в распоряжение Казахстанского ПП ОГПУ по требованию коего и был арестован.

После неоднократных устных и письменных допросов в Особом Отделе Казахстанского ПП ОГПУ, по истечению почти четыре месяца со дня моего ареста, мне было предъявлено тов. Борисовым, начальником Восточного отделения Особого отдела ПП ОГПУ, обвинение в создании мною какой-то контрреволюционной организации и группы, поставившей себе задачу свержения советской власти в Казахстане, и отделения последнего от СССР,

и в этих целях якобы связавшейся с вузами и частями Красной Армии и прочее. Тут же мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, после чего допросы прекратились.

14 августа с.г. после семи месяцев заключения в одиночной камере при органах ОГПУ я был переведен из-под заключения при ПП ОГПУ в Алматинский исправительно-трудовой дом для дальнейшего этапирования в распоряжение Сибирского лагеря. Вплоть до этого момента мне не было объявлено в официальной форме под расписку о том, за какие преступления, какому наказанию я подвергаюсь. Только после моего категорического отказа от следования в этап без объявления мне решения законного органа по моему делу, и после решительного моего протеста перед Прокуратурой Казахской республики, прибывшей в исправительно-трудовой дом, представитель последней прочитал мне копию решения коллегии ОГПУ от 4 июля с.г. о том, что я вместе с другими товарищами, членами партии, по обвинению по 58, пп. 2,11 осужден в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Далее 25 сентября с.г. Алматинским исправительно-трудовым лагерем я был отправлен в распоряжение Сибирского лагеря. 2 сего октября я поступил в Сибирский лагерь, и в настоящее время нахожусь в Новосибирске, в Стройгородке Сиблага ОГПУ.

Шесть человек, из числа восьми осужденных со мной по одному делу людей, мне совершенно не знакомы. Не только кого-нибудь из них я не встречал где-нибудь, но никогда об этих людях ни от кого ничего не слыхал, и никогда о них никому ничего не мог говорить, поскольку о них я сам не имел никакого ровно представления. Имена этих людей, признанных какими-то образом членами созданной мною какой-то подпольной контрреволюционной организации, я услыхал впервые, когда помощник прокурора Казахской республики тов. Ибрагимов прочитал мне в исправительно-трудовом доме означенное решение Коллегии ОГПУ.

Из числа указанных восьми людей я знаю только двоих товарищей: Абикеева и Мадыгулова, причём последнего я встречал всего только однажды.

С тов. Абикеевым я познакомился еще в 1930 г. в г. Алма-Ате в самом обычном в таких случаях порядке, когда нас обоих, ранее незнакомых друг с другом, пригласил к себе в гости мой сослуживец, комсомолец и кандидат партии некий тов. Арынов, работавший тогда в вместе со мной в Казахском Краевом Управлении связи. С тех пор до июля 1932 г., до моего отъезда на постоянную работу в г. Семипалатинск, в течение трех лет с тов. Абикеевым как со своим уже знакомым, встречался как будто семь-восемь раз.

Само собой разумеется, что знакомства и встречи между членами партии не могут носить обывательский характер. Тема разговоров во время встречи сознательных членов партии может охватывать разнообразнейший круг вопросов, в особенности злободневного характера. В частных встречах во время частых бесед отдельных коммунистов тема разговоров не всегда может носить строго выдержанный партийный характер и не всегда может выдерживать идеологические рамки, что вряд ли доказывает в этих случаях наличие контрреволюционных фактов или преступлений. В худшем случае это разве доказывает плохое качество коммуниста, его идеологическую неустойчивость и невыдержанность и только. Разговоры между мной и тов. Абикеевым, когда касались партийного и политического круга вопросов преимущественно Казахстанского масштаба, носили критический и оппозиционный характер, в особенности в связи с резким ухудшением хозяйственно-политического положения Казахстана за последние годы в

результате очевидных глупостей и политических ошибок, допущенных существовавшим до последнего года руководством Казахстана во главе с Голощекиным, как то: перегибы по коллективизации и оседанию казахского населения, административный произвол в аулах и деревнях, катастрофический развал животноводческого хозяйства Казахстана, продовольственное затруднение и голодовка, откочевка казахского населения из Казахстана и массовые случаи голодных смертей, рост шовинизма в организации и отсутствие борьбы с ним в течение ряда лет, извращение на практике Ленинской национальной политики, провал коренизации и т.д., что впоследствии вскрылось благодаря непосредственному вмешательству ЦК Казахстана предопределяло, конечно, и характер наших с тов. Абикеевым бесед, но когда по логике вещей тов. Абикеев, особенно возмущавшийся происходившими безобразиями, ставил вопросы организационной борьбы с существовавшим нелепым руководством, я осуждал такую постановку вопроса и не соглашался с подобными организационными выводами, вполне сознавая, что меры организационной борьбы по логике вещей могут вылиться в антисоветскую форму и могут стать орудием контрреволюционных сил.

Из всей группы осужденных теперь людей, повторяю, только с одним тов. Абикеевым я обсуждал всякие вопросы, однако каких бы антипартийных тем мы не касались во время наших с тов. Абикеевым бесед, я никогда не ставил вопроса об организационной борьбе, никогда я тов. Абикееву не давал своего согласия на вхождение членом в какую-либо группу, и также сам тов. Абикеев никогда не говорил мне о наличии какой-либо группы, в которую он входил и прочее.

Таким образом, если в составе осужденных теперь девяти человек признано наличие или существование какой-либо контрреволюционной группы, созданной мною, то единственным веским доказательством этого обстоятельства должно считаться только показание тов. Абикеева. Если тов. Абикеев во время следствия что-нибудь подобное утверждал, то это могло произойти только в результате известного воздействия на него. Во всяком случае, несмотря на неоднократные заявления следователя о предстоящей мне очной ставки с тов. Абикеевым, когда я или отрицал факт созданной мною какой-то контрреволюционной группы или отрицая то, что я будто бы знал, по словам тов. Абикеева, о существовании этой группы, все же эта очная ставка почему-то не состоялась. Между тем, единственным более или менее всяким данным по обвинению меня в создании контрреволюционной группы в составе указанных выше людей должно считаться, конечно, за отсутствием других неоспоримых доказательств, только показание тов. Абикеева, и потому очная ставка с ним имела большое значение для дела.

Со вторым человеком из группы осужденных людей с тов. Мадыгуловым я познакомился в сентябре 1932 г. в г. Семипалатинске, где я работал в это время в должности директора Казахстанского геолого-разведочного института. Тов. Мадыгулов, приезжавший тогда в Семипалатинск по организации курсов Наркомснаба, обратился ко мне с простой маленькой товарищеской запиской от тов. Абикеева, который в этой записке, рекомендуя мне тов. Мадыгулова как своего хорошего друга, просил меня оказывать ему возможное с моей стороны содействие в организации им курсов и в обеспечении его квартирой на время пребывания его в Семипалатинске, что надо было понимать как просьбу тов. Абикеева принять своего друга Мадыгулова, ни с кем незнакомого в Семипалатинске, к себе на квартиру, что я не мог выполнить в силу семейных условий.

За время пребывания тов. Мадыгулова в Семипалатинске я с ним встречался раза три и никаких у меня с ним особенных разговоров не было, за исключением разве общих критических рассуждений на темы, выдвигаемые тогда Казахстанской действительностью. Я относился к тов. Мадыгулову как к новому своему знакомому очень вежливо и корректно, но никаких у меня, как помню, с ним не было договоренностей ни по одному вопросу, никакой директивы я ему не давал и также никому не давал какой-либо директивы через него, не знал даже когда впоследствии уехал тов. Мадыгулов из Семипалатинска. Наоборот, я, кажется, и его предупреждал от ошибочных шагов или крайних выводов, поскольку из краткого с ним знакомства я получил возможность судить о его оппозиционном настроении. Ничего иного и тов. Мадыгулов также не мог показать во время следствия. По крайней мере за время следствия мне не было заявлено о том, чтобы тов. Мадыгулов утверждал в своих показаниях что-нибудь обратное.

Таковы фактические мои взаимоотношения и связи с группой осужденных людей. В каких взаимоотношениях и связях состояли осужденные люди между собой, мне совершенно не было известно. Насколько я знаю теперь, точно также взаимоотношения и связи этих людей, в большинстве своем также незнакомых друг с другом, и характер их встреч никак не допускает сделать вывод о существовании этих людей в составе контрреволюционной организации.

Всего вообще по делу, как я узнал впоследствии, привлечено 17 человек (10 человек партии и 7 членов ВЛКСМ) преимущественно из состава Казахского педагогического вуза Алма-Аты, из коих, кроме осужденных девяти лиц, шесть человек в конце концов освобождены. Значит их никак нельзя уже считать виновными в столь тяжелом государственном преступлении, вытекающим из смысла пп. 2,11 58 ст. УК. Из всего указанного общего числа привлеченных по нашему делу людей я знал, кроме тов. Абикеева и Мадыгулова, еще двоих, именно: тов. Борамбаева и Бирмухамедова, причем последнего видел также всего только один раз, а первого Борамбаева всего два раза. Знакомство мое с этими людьми и мои встречи с ними имеют какой-то странный характер, и роль этих людей в нашем деле для меня до сих пор не понятно.

Перед моим отъездом на работу в Семипалатинск в июле 1932 года ко мне зашел тов. Абикеев, который как хороший мой товарищ посещал меня вообще запросто, с ним вместе зашел ко мне тов. Борамбаев, которого Абикеев отрекомендовал мне как своего хорошего друга.

Во время общих наших бесед эти товарищи стали поднимать вопрос о необходимости организационной борьбы со старым руководством, о состоянии платформы и прочее.

Соглашаясь с товарищами в оценке общего нашего Казахстанского положения, излагая и свою точку зрения по отдельным вопросам, я оставался в пределах партийности, осуждая опыт фракционного метода борьбы, советуя товарищам оставаться на выжидательной позиции в ожидании изменения со стороны ЦК партии существовавшего руководства. Обратного что-нибудь эти не могли утверждать в своих показаниях. Позднее, когда я работал уже в Семипалатинске, когда туда приезжал, как указано выше, тов. Мадыгулов, я считал своим долгом вновь повторить перед ним свое отрицательное отношение к вопросу фракционной работы в организации.

Второй раз я встретился с тов. Борамбаевым при следующих обстоятельствах: во второй половине октября из Семипалатинска я приезжал в Алма-Ату (прилетал на

самолете) по делам учебных заведений, входивших в геологоразведочный учебный комбинат и геологоразведочного института, директором которого я был. Пробыл в этот раз в Алма-Ате всего около 10 дней и собирался уже обратно уехать, как однажды утром, недалеко от квартиры моего племянника, у которого тогда я остановился, встречает меня тов. Борамбаев и заявляет, что они с тов. Абикеевым ищут меня, в частности, Абикеев приглашает меня к себе в гости. Мне было некогда, а потому я попросил товарищей зайти ко мне вечером в 5-6 часов и расстался с Борамбаевым.

Оказывается, в этот день вечером товарищи Абикеев и Борамбаев приходили ко мне на квартиру, просидев там до 8-9 часов вечера, не дождавшись меня, ушли, прося моего племянника передать мне, что они придут еще на другой день. В этот день я очень был занят и вернулся на квартиру только в 11 часов вечера.

На другой день утром зашел ко мне один незнакомый мне гражданин, который оказался впоследствии Бирмухамедовым, и от имени Абикеева просил подождать меня несколько времени ибо несмотря на выходной день, я собирался уходить по делам. Через час приблизительно явился ко мне тов. Абикеев и тот же товарищ, которого познакомил со мной тов. Абикеев, назвал его своим хорошим другом. Так как я поджидал их и торопился, то по приходе их, я стал собираться, и мы все вместе вышли из квартиры. Когда выходили на улицу, встретился еще Борамбаев и сказал, что-то в роде того, что он скоро придет за нами.

На улице эти товарищи опять стали приглашать меня на квартиру Абикеева в гости. Но я был вынужден поблагодарить их и отказаться, так как у меня на эти часы накануне были назначены деловые свидания, соглашаясь лишь только на предложение товарищей зайти в парк выпить немного пива, тем более это было мне по пути. Подробные мои показания об этой нашей встрече и содержание наших бесед имеются в деле. Здесь скажу лишь, что за исключением допущенной мною резко оппозиционной оценки внутрипартийного положения и хозяйственного состояния Казахстана, никаких контрреволюционных действий я товарищам не предлагал. Наоборот, когда тов. Абикеев и Бирмухамедов, угощавшие нас пивом особенно усердно, опять предлагали начать фракционную работу, я от этого пути отказался, предлагая товарищам просто выявлять настроение организации и мобилизовать партийно-общественное мнение на случай изменения руководства, в частности, если можно, то организовать подачу индивидуальных и групповых заявлений и жалоб в центр с освещением положения Казахстана. Когда мы стали расходиться как будто, нам опять попадался навстречу тов. Борамбаев, и я ушел по своему делу, а на другой день я уехал к себе домой в Семипалатинск. Больше этих людей уже я не видел и никакой связи с ними до момента ареста не имел.

Вот и вся та группа людей, которых я знал из числа членов контрреволюционной организации, созданной мною, и вся моя деятельность, за которую я получил пять лет исправительно-трудового лагеря, заключается лишь в вышеуказанном.

Считаю здесь необходимым указать, что несмотря на неоднократные заявления следователя о том, что и Борамбаев будто доказывает также мою организаторскую роль и что он это подтвердит также на предстоящей очной ставке, все же и эта очная ставка почему-то не состоялась. Из числа всех четырех людей, кого я так или иначе знал в составе всей группы привлеченных по делу людей, очная ставка со мной проводилась только с Бирмухамедовым, которого я, как указано выше, видел во всей своей жизни всего только один раз благодаря какому-то явному стремлению с его стороны ко встрече со мной.

На очной ставке со мной этот Бирмухамедов к великому моему изумлению «порол чистейшую чепуху» и какие-то заученные слова, которые я не мог признать, несмотря на усиленную попытку тов. Борисова и Хворостяна, начальника Особого отдела ПП ОГПУ, заставить меня признаться в этом, ибо моя совесть коммуниста превыше всех, и ни партии, ни советской власти не нужно, чтобы я признавал какую-то небылицу. Что показания Бирмухамедова являются какой-то небылицей должно быть ясно из того, что другие не могли бы утверждать что-нибудь подобное на очной ставке, которая, видимо, поэтому и не состоялась. Странно также и то обстоятельство, что Борамбаев и Бирмухамедов, привлеченные вначале к ответственности, совершенно избегали всякого наказания впоследствии.

Между тем, как я уже узнал впоследствии от тов. Абикеева, эти люди, если уже признается существование контрреволюционной организации, не меньше должны быть виновны, чем другие осужденные по делу товарищи. Они же постоянно перед тов. Абикеевым ставили всякие вопросы в заостренной форме, оставаясь часто недовольными поведением и выводами последнего, и они же являлись инициаторами встречи их со мной в парке.

Техника и процесс следствия страдали большими нарушениями. Многие из привлеченных к ответственности людей были малограмотные по-русски, и поэтому формулировка отдельных моментов допроса делалась следователями по своему усмотрению. Отдельные товарищи могли бы сообщить факты больших нарушений, предписанных законом и положением норм.

Как вывод из всего процесса следствия, во время которого выдвигались против меня совершенно беспочвенные обвинения, не имевшие ничего общего с настоящим делом, и отпавшие впоследствии, я должен сообщить Вам, что наше дело оформлялось и разрабатывалось в известном направлении, исходившем от старого, осужденного ныне ЦК партии руководства, существовавшего с 1926 года.

Что же касается лично меня, то результат нашего дела является для меня формальным завершением систематических гонений и репрессий, которым я подвергался со стороны старого руководства в течение ряда лет часто без всяких оснований из-за моего отрицательного отношения к линии старого руководства, а именно: в течение последних 4-5 лет три раза исключался из партии и последовательно восстанавливался, или подвергался другим партийным взысканиям с теми или другими организационными выводами и прочее.

В дополнение ко всему вышесказанному прилагаю к сему копию нашего коллективного заявления на имя ЦК ВКП(б) от 11 сентября сего года.

В условиях заключения нами не могли быть поданы заявления и жалобы своевременно в соответствующие инстанции.

Вкратце такова моя автобиография:

Родился я в г. Семипалатинске в 1898 году. Родители мои были чернорабочими, в прошлом батраки. В 1916 году окончил Семипалатинское двухклассовое русско-казахское училище, работая одновременно вместе с братьями на кожевенном заводе, шерстомойках и других предприятиях г. Семипалатинска. В том же 1916 году поступил на телеграф практикантом - учеником, где в качестве телеграфиста проработал до мая 1918 года и был уволен со службы после свержения советской власти в Сибири как приверженец советской власти.

С августа 1918 года по ноябрь 1919 года учился в Семипалатинской мужской гимназии. С первых дней восстановления советской власти в Семипалатинске, после разгрома

колчаковщины в Сибири, с 1 декабря 1919 года работаю на разных ответственных постах, начиная с уездного вплоть до краевого и союзного масштаба. Тогда же поступил в партию, сначала сочувствующим, а с 1 февраля 1920 года действительным членом партии. Состоял последовательно в следующих основных должностях:

1) 1920-1921 гг. – член Семипалатинского губернского ревкома, член Президиума губисполкома, заведующий Губернским национальным отделом и заместитель председателя Губернского революционного трибунала и член ВЦИК;

2) 1921-1923 г. – заместитель председателя Уральского губернского исполкома и Уральского губпрокурора;

3) 1924-1925 гг. - Акмолинский губпрокурор;

4) 1925-1926 гг. – Председатель Сырдарьинского губисполкома;

5) 1927г. – управляющий Краевой конторой Казмяса (Союзмясо);

6) 1925-1927 г. – член ЦИК СССР;

7) 1920-1927 г. – член КазЦцИК;

8) 1928-1929 гг. – старший инспектор Наркомата РКИ КазССР;

9) 1931 г. – член Правления Крайколхозсоюза;

10) 1932 г. – заместитель заведующего Бюро по стандартизации при Казгосплане;

11) 1929-1930 гг. – заместитель наркома связи Казахстана, член Совнаркома КазССР;

12) с 1932 г. по день ареста директор Казахстанского Геолого-Разведочного института – учебного комбината.

Кроме прямых основных своих работ, за 13-14 лет пребывания в партии проводил в разное время многочисленные политические и хозяйственные кампании, задания, мероприятия и отдельные персональные поручения партии и советских органов, как-то: продовольственная разверстка, борьба с бандитизмом, борьба с голодом, передел земельных угодий в Казахстане, кампании хлебозаготовок, мясозаготовок, хлебосеноуборок, посевные кампании, процесс Аненкова и т.д. С 1920 года по 1927 год состоял в различных партийных комитетах; всегда активно участвовал в партийном строительстве и до последнего момента, вообще, был одним из активных участников внутрипартийной жизни и истории развития Казахстанской партийной организации. Имею печатные труды на обоих языках (на русском и казахском) по вопросам литературы, по партийно-советским и хозяйственным вопросам; к моменту ареста состоял одним из ответственных переводчиков Ленина на казахский язык.

По линии практической работы я всегда имел известный эффект и успехи, что отмечено в ряде документов, за что имел всегда положительные отзывы. Руководя в течение 13-14 лет ответственными отраслями, я никогда не был замечен в бесхозяйственности и упущениях по работе.

В заключение я прошу Вас рассмотреть наше дело в порядке надзора, пересмотреть в сторону отмены или облегчения наложенного на меня ОГПУ наказания, которого я не заслуживаю.

Если возможно, для личных объяснений прошу меня вызвать в Москву.

Впредь до Вашего решения по моему делу, прошу Вас дать телеграфное распоряжение Сибирского лагеря воздержаться от этапирования меня в дальние лагеря.

Подпись Мустамбаев

12 октября 1933 года

Адрес: Новосибирск, Стройгородок Сиблага ОГПУ.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Ф.6. Д.06785. (личное дело заключенного). Лл. 1-12.

Впервые опубликовано в: Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане (Сборник документальных материалов 20-50-х годов XX века). Сост.: М. Койгелдиев, В. Полулях, Ш. Тлеубаев. Алматы: «Алаш» баспасы». 2013. С. 211-223.

№2

Сопроводительное письмо Г. Прокофьева на имя И. Сталина по заявлению И. Мустамбаева

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ

Препровождая поступившее заявление от МУСТАМБАЕВА Идриса, осужденного постановлением Коллегии б. ОГПУ от 4/VII – 33 г., по ст. 58-2 и 11 на 5 лет ИТЛ.

МУСТАМБАЕВ – казак, бывший член ВКП(б) с 1920 г. (из партии два раза исключался за участие в националистической Садвокасовской группировке), служащий, перед арестом директор Геолого-разведочного института в гор. Семипалатинске.

Осужденный являлся вдохновителем японофильской к-р группировки, именовавшей себя «Тюркской Народной партией». Во время следствия признал себя виновным в распространении антисоветских националистических взглядов, попытке использовать молодых коммунистов – казаков для борьбы с краевым руководством и даче им указаний группировать оппозиционно настроенные элементы.

Заместитель Народного Комиссара
Внутренних Дел Союза ССР (ПРОКОФЬЕВ)

22 сентября 1934 г.
№30569

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 202. Л. 206. Машинописный подлинник. Рукописная правка *«От т. Прокофьева»,* простым карандашом. Прокофьев – автограф, простым карандашом. Дата «22» рукописью. №3059 – рукописью. Подчеркивания[1].

№3

Заявление И. Мустамбаева в ЦК ВКП(б) И. Сталину, Л. Кагановичу

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) т. СТАЛИНУ или
т. КАГАНОВИЧУ осужденного коллегией ОГПУ
по 58 2/11 ст. Уг. Кол. бывшего члена
ВКП(б) с 1920 г. Идриса МУСТАМБАЕВА

Заявление

17-го января прошлого 1933 года в Москве, во время командировки на совещание директоров ВТУЗов, я был арестован ОГПУ и через месяц после предварительного допроса в ОГПУ – последним я был отправлен в Алма-Ату, в распоряжение Казакстанского

Полпредства, по требованию коего я и был арестован. Одновременно со мной в Алма-Ате Полпредством было арестовано 17 человек членов партии и комсомольцев из казаков – учащих и учащихся преимущественно из состава Каз. Пед. Вузы. Нам было предъявлено обвинение в тягчайшем государственном преступлении – в создании нами к-р организации, стремившейся к свержению Советской власти в Казакстане и отторжению последнего от СССР в виде самостоятельной буржуазно-демократической Республики. Впоследствии из числа всех первоначально привлеченных по делу людей решением коллегии ОГПУ от 4-го июля 33 года было осуждено по 58 2/11 ст. УК только 9 человек в концлагеря на сроки от 3-х до 5- лет, а остальные семь человек по 3 года.

По существу дела поясняю нижеследующее:

1) Из числа всех означенных 9–ти осужденных, признанных, каким-то образом, членами созданной мной организации, я знал только одного Абикеева, члена партии, с которым я познакомился еще в 1929 г. в гостях у одного нашего общего знакомого, моего сослуживца, кандидата партии и комсомольца. До ареста, за все время нашего знакомства, мы с ним встречались 7–8 раз в самых обычных для людей условиях. Во время этих товарищеских встреч тему наших бесед составляла – и не могла не составлять – практика строительства в Казакстане при старом его руководстве.

Извращения ленинской национальной политики, благодаря этому рост в организации великодержавного русского шовинизма, находившего свое идейное и практическое выражение в лице старого руководства, грубейшие искривления партийной линии в вопросах коллективизации, революционной законности, хлебо- и мясозаготовок, административный произвол и перегибы вообще в ауле и деревнях, непонимание и недоучет или даже грубое игнорирование всех особенностей и сложных социально-экономических условий края составляли все содержание старого, марксистко-ленинский безграмотного руководства во главе с Голощекиным и его «учениками». В результате этой антипартийной и антиленинской политики край и парторганизация беспрерывно переживали разные перебои, прорывы и тяжелые провалы на всех фронтах хозяйственно-экономического, культурно-идеологического и партийно-советского строительства, приведшего к таким печальным последствиям, как то: срыв оседания и коллективизации, продовольственные затруднения и почти повсеместная голодовка казахского населения, доходившая во многих районах до массовых случаев голодных смертей, на почве которых происходили различные политические осложнения и массовая откочевка казакского населения во все соседние области, края и даже в Китай, развал животноводства края, провал дела национально-культурного строительства, превращенного старым шовинистическим руководством в пустую дикламцию, вопиющие факты разложения партийных рядов и отдельных звеньев партийной организации, как следствие отсутствия всякой идейно-политической жизни и партийно-воспитательной работы в организации отсталой и находившейся к тому же под гнетом всяких зажимов и прижимов со стороны руководства и к другим тяжелым последствиям.

Вся общественно-партийная жизнь в организации, обезоруженной теоретически, замерла, и тем тяжелее было впечатление, производимое беспрерывными глупостями старого руководства и беспрерывной цепью прорывов, которые переживал край.

Наши беседы с Абикеевым при встречах отражали, конечно, общеполитическое и общехозяйственное положение края и, пожалуй, в этот период общего недовольства

в организации отражали настроение, почти общее для широкой партийной среды. Возможно, в момент крайнего возмущения происходившими безобразиями я допустил резкую оценку общеказахстанской действительности с антипартийной или антисоветской окраской. Но, само собой разумеется, никакой контрреволюционной организации в моем лице и в лице т. Абикеева не могло быть.

2) Другого осужденного – Мадыгулова – также члена партии, я в своей жизни встречал всего лишь однажды, когда тот по организации курсов Наркомснаба КССР приезжал в 1932 г. в г. Семипалатинск, где я тогда работал директором Казакстанского Геолого-Разведочного Института – Учкомбината, и когда он по товарищеской записке Абикеева же обратился ко мне за содействием по организации им курсов. Но никаких у меня с ним разговоров на антисоветскую тему не было, за исключением, возможно, каких-либо критических суждений на счет общего положения КССР.

3) Никого из остальных осужденных я не только никогда не знал, но ровно никакого о них представления не имел. Я до сих пор не могу представить, каким образом означенные люди могут считаться членами созданной мной организации или другой вообще какой-либо организации, когда они также и в свою очередь в большинстве своем не знали друг друга, и лишь отдельные из них находились в товарищеских личных отношениях, связанных с совместной учебой и работой в течение ряда лет. Во всяком случае я не признавал и не могу признать их членами своей организации, стремившейся к свержению Советской власти в КССР так же, как и себя, я не считаю членом какой-либо организации в составе этих людей.

4) Во всем нашем деле имеет какую-то странную и непонятную для нас роль два человека, обвинявшиеся вначале наравне с нами, как члены нашей организации, и привлеченные по делу вместе со всеми первоначально привлеченными лицами, – граждане Бирмухамедов и Сорамбаев, которые, однако, впоследствии избегли всякой ответственности. Между тем, без участия в деле этих лиц, – бывших основными фигурами, связывавшими между собой совершенно незнакомых людей и инициаторами различных, как будто бы случайных, встреч, – выпадают из дела и те, хотя бы формальные, признаки преступлений, по которым мы осуждены. Этих людей я встречал два раза, когда они вместе с Абикеевым посещали меня у себя дома, причем самой загадочной для меня встречей была последняя, когда в октябре 1932 г. я из Семипалатинска приезжал в Алма-Ату по делам учебных заведений, которые я возглавлял, и когда они вместе с Абикеевым после трехкратных посещений моей квартиры нашли меня и под предлогом угощения завели меня в парк, вследствие моего отказа идти к ним на квартиры в гости, т.к. я был занят. В общих разговорах с ними, возможно, я допустил резко-оппозиционные суждения, но осуждал их, казалось, фракционные стремления. Подробные объяснения момента этой встречи мною изложенных в своих показаниях по делу, я мог бы еще дополнить их, но, к сожалению, я не могу в пределах настоящего заявления останавливаться на всех конкретных моментах нашего дела. Как я узнал позднее от остальных осужденных во время совместного нашего заключения, эти же люди (Бирмухамедов и Сорамбаев) были инициаторами почти всех их встреч, и в большинстве случаев они же и возбуждали разговоры на всякие антипартийные и антисоветские темы. Во всяком случае, по всем данным дела, казалось бы, без участия в нем этих людей нет никакого основания осудить и остальных людей, связи и встречи коих без участия в них этих лиц будут совершенно

непонятны и не мотивированы. Разве чистосердечные их показания, при условии добросовестности их, – в той или другой степени могли только облегчить их наказание и в той или другой степени усилить таковое для остальных осужденных, обвинявшихся в столь тяжелых государственных преступлениях.

5) Лично я в течение ряда лет подвергался всяким взысканиям и гонениям (три раза исключался из партии и последовательно восстанавливался, подвергался всяким «оргвыводам» и проч.) за свое отрицательное мнение о политике старого руководства и за свое отрицательное мнение о политике старого руководства и за свое отрицательное мнение к отдельным представителям и к главному помпадуру его – Голощекину. Всеми доступными для меня способами я всячески вскрывал извращения партийной линии старого руководства, а порой прямые его преступления перед партией и в своей практической работе противодействовал безобразиям, идущим от руководства, или ж старался, насколько это было возможно, ослабить отрицательные последствия их, а также не в пример другим и имеющим мужество теперь критиковать ошибки старого руководства, т.е. свои собственные ошибки, я всегда в партийной среде открыто осуждал старое руководство. В результате для него я стал нетерпимым человеком.

Антипартийное комбинаторство и пустое политиканство вместо гибкого организованного начала и принципиально-партийного подхода в подборе и воспитании кадров составляли характернейшую черту старого руководства, культивировавшего варварские, чисто восточные и не допустимые в партии методы руководства вплоть до районов; глупое в бездарное подражание и копирование с фактов партийной жизни центра изменило живое партийное руководство в крае; самые нелепые выдумки и глупости выдавались за партийную линию и марксистко-ленинские положения, а люди, усомнившиеся в этом, подвергались всякой форме «проработки». Партийно-советская общественность Казакстана в течение ряда лет была отравлена разными антипартийными примерами «проработки» и травли наиболее способных и сознательных работников, не согласных с головотяпствами старого руководства, в частности, вокруг меня и моей работы создавалась самая нездоровая общественно-партийная обстановка.

6) Если Вы поручите кому-либо непосредственно ознакомиться с нашим делом, то установите, несомненно, как оно грубо инспирировано по директиве старого руководства. Оно возникло и разрабатывалось в результате попытки этого руководства скрыть свои позорные провалы и в попытке его под шумихой раскрытия какого-то мифического националистического подполья, якобы срывавшего все мероприятия Советской власти в Казакстане, отвести от себя грозившую ему ответственность со стороны высших партийных и правительственных органов за допущенные им безобразия и преступления. Дутые и дикие обвинения, рассчитанные на «фурор» и на обман общественного мнения трудовой массы, легли в основу нашего дела. Хотя своевременное вмешательство ЦК ВКП(б) и сорвало в целом преступный замысел старого руководства, но все же, однако, дело наше предстало к рассмотрению коллегии ОГПУ в достаточно извращённом виде, как вообще систематически в течение ряда лет извращалось действительное положение Казакстана старым руководством перед высшими партийными и правительственными органами. Я не могу здесь также останавливаться на отдельных извращённых моментах, могущих при правильной оценке представиться в ином свете, чем это сделано в процессе оформления дела и следствия, или же на моментах замалчивания отдельных фактов по делу, говоривших в пользу тех или других обвиняемых.

И казакстанские руководящие органы, в которых до сих пор еще остаются на руководящих постах представители старого руководства, ответственные за все допущенные в прошлом – безобразия, – не могут до сих пор решительно исправить ряд старых ошибок как общего характера, так и по линии революционной законности.

Я не отрицаю и свои ошибки. Подвергаясь постоянно всяким формаме гонений и взысканий при старом руководстве большей частью за правильные выступления, предложения или практические действия по работе, озлобляясь против безобразнейших извращений ленинской национальной политики и искривлений партийной линии, выдаваемых к тому же в течение ряда лет за линию ЦК ВКП(б) – порой и ошибочно отождествляя практику старого руководства с общей партийной линией, в результате сам я скатился с партийного пути и допустил в отдельных случаях выводы и формулировки, способные стать знаменем антипартийной и антисоветской борьбы. Но за мной не только не было тех преступлений, в которых я обвиняюсь, но я не думал о чем-либо подобном, и до сих пор я не могу представить себе на основании каких данных или на основании каких формальных доводов меня осудили за такие преступления, в которых я не участвовал.

Прошу Вас пересмотреть мое дело и снять с меня необоснованное и незаслуженное обвинение.

В конце сентября прошлого 33 года я был отправлен для отбывания наказания в Сиблаг, где я пробыл до января сего 1934 года. Поскольку я уже был осужден, я хотел честно отбывать наложенное на меня наказание и, применяя к делу весь опыт своей огромной практической работы, старался быть полезным хотя бы в условиях лагеря, где тоже нужны работники. Но 2-го января с.г. из Сиблага я был вновь доставлен в Алма-Ату, в распоряжение Каз. Полпредства, где пять с половиной месяцев содержался опять в одиночных камерах, и за это время фактически допрашивался только один раз по делу Исмагулова – моего племянника. Наконец, после бесконечных беспредметных и общих требований о том, что необходимо мне «разоружиться» и «раскаяться» с условием возвращения мне свободы или даже возвращения в ряды партии, после всяких огульных обвинений, как и в прошлом году, 8-го июня с.г. Полпредством я был вновь отправлен в Сиблаг, поскольку я не мог раскаиваться в несуществующих за мной преступлениях. В настоящее время я нахожусь в Сиблаге НКВД.

По происхождению я из пролетарской рабочей семьи, мне теперь 37 лет; с 14-го февраля 1920 г. я член партии, со школьной скамьи (сочувствующим вступил в партию в декабре 1919 г.), начиная с 1919 г. я работал на разных ответственных участках: 1) член Губревкома и президиумов Губисполкомов КССР; 2) Зампредгубисполкома; 3) зампредгубревтрибунала; 4) Губпрокурор; 5) Предгубисполкома; 6) Член бюро губкомов ВКП(б) всех бывших губерний КССР за период 1920-1927 г.г.; 7) Член КазЦИКа первых пяти созывов за период 1917-1927 г.г.; 8) Член ВЦИКа в 1920 г.; 9) Член Союзного ЦИКа в 1925-1927 г.г.; 10) ряд краевых ответственных работ и 11) последняя работа – директор ВТУЗа. В разное время проводил различные кампании, задания, ответственные мероприятия и отдельные персональные поручения партии и советских органов, как связанные со своей основной работой, так и не связанные с ней. Имею печатные работы на обоих языках. За все время работы на ответственных участках я не был замечен в каких-либо упущениях, бесхозяйственности, злоупотреблениях, или в искривлениях и искажениях

линии партии и Советской власти на практической работе. На всех участках работы, на коих я был по выдвижению партии и Советской власти, я всегда имел практические достижения в работе, что в свое время отмечено в различных документах партийно-советских органов. В заключение считаю необходимым обратить Ваше внимание на следующие обстоятельства, имеющие отношение и к моему делу.

1) Недавно по линии ОГПУ КССР осужден на 5 лет и сослан в Дальне-Восточные лагеря и племянник мой – быв. кандидат партии, сын рабочего, окончивший рабфак и Советский ВУЗ, преподаватель Ветзооинститута – Н. Исмагулов. И в прошлом году он по моему делу также три месяца содержался под стражей в Полпредстве. 2) Родной мой брат Семибай Буршакпаев – рабочий Семипалатинского мясохладстроя по линии Восточно-Казакстанского Обл. отдела ОГПУ в прошлом году одновременно со мной также был осуждён на 10 лет и сослан в Карлаг. Человек он – малограмотный по-казакски и совсем неграмотный по-русски; всю жизнь он был батраком и рабочим и честным своим трудом он кормил себя и свою семью. Лишь за последние годы своей жизни – по выдвижению советских органов он работал в 1927-1932 г.г. председателем колхоза и аулсовета и по этой работе в масштабе своего аула хорошо проводил мероприятия Советской власти, за что в свое время неоднократно отмечался и премировался Семипалатинскими районными организациями. У этого выдвиженца батрака, имеющего несчастье быть мне братом, могли быть, разве, какие-либо ошибки по работе. Иначе совершенно не представляю себе за какие контрреволюционные дела он мог быть осужден. Сознавая всю ответственность своих слов, я заявляю, насколько я могу знать своего родного брата, ни в чем он против Советской власти не был виновен, и никаких контрреволюционных преступлений у него не могло быть.

За это время часть наших семей и старший наш брат, находившийся на нашем иждивении, погибли, а также и остальные члены наших семей и ближайшие наши малолетние родственники находятся на пути полной гибели.

Прошу Вас также проверить дела племянника и брата, осужденных, главным образом, как мои родственники.

МУСТАМБАЕВ

Июля 26 дня 1934 г.

Мариинск, Сиблаг НКВД, Мариинское отделение

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 202. Л. 207-213. Рукописный подлинник. Мустамбаев – автограф, синей ручкой. Сохранена стилистика и орфография письма[2].

Обсуждение и заключение

Изучение эго-документов имеет научно-практический смысл, введение их в научный оборот восстанавливает фрейм семейной исторической памяти и транслирует социально-личную историю в коллективную память. С. Козлов, соглашаясь с тем, что эго-документы имеют статус личных документов, однако как пишет: «В ретроспективном эго-источнике сочетаются индивидуальное восприятие прошлого и коллективные представления, которые задают рамку понимания происходящего. Анализ этих текстов позволяет проследить механизмы взаимодействия личных воспоминаний и публичных

коллективных нарративов» (Козлов 2022: 9). В предложенном авторском анализе эго-документы И. Мустамбаева сочетают личное восприятие текущих повседневных явлений, как противостоящее политической риторике власти. Автобиография И. Мустамбаева может быть дополнена более широкими фрагментарными данными, учитывая диапазон его деятельности вероятнее всего в архивных фондах отложилась информация. Следуя предложению В. Шульца (Шульц 1996), пограничные линии эго-документов И. Мустамбаева могут быть расширены включением архивно-следственных материалов, начатых ОГПУ, продолженных ГУЛАГом, завершённых НКВД. Вполне можем предположить, что архивно-следственное дело И. Мустамбаева содержит интересные факты, неизвестные научной общественности. Однако само свидетельство автора требует критического анализа и оценки.

В завершение отметим, что исследование эго-документов не столь однозначно, на примере личных документов И. Мустамбаева следует понять представленные автобиографические данные и личное «Я», т.е. как мы должны соотноситься с личностью автора: И. Мустамбаев – субъект представленного текста или объект в повествовательном конструкте, представленный третьим лицом. Естественно, возникшая методологическая дилемма порождает дискуссию о субъективности, о дискурсивной природе источника и об авторстве. Авторские предложения о включении ведомственных документов ОГПУ – НКВД выстраивают пограничную линию между упомянутыми документами и определением их статуса, т.е. каков статус протоколов допроса И. Мустамбаева.

Итогом авторского исследования следует считать новые горизонты встраиваемых задач в имеющиеся опубликованные материалы, определение дальнейшей стратегии изучения личности, иллюстративно-содержательной биографии, оставившей заметный след в истории Казахской АССР / ССР.

Acknowledgments

I express my sincere gratitude to the anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions, and to the editorial team for the professional support provided in the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Мақала авторының жұмысын дайындауда көрсеткен кәсіби қолдауы үшін редакцияға, сондай-ақ құнды ескертулері мен ұсыныстары үшін аноним рецензенттерге шын жүректен алғысымды білдіремін.

Благодарность

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания и предложения, редакции за профессиональное сопровождение авторской статьи.

Примечания

1. Сопроводительное письмо Г. Прокофьева на имя И. Сталина по заявлению И. Мустамбаева. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 202. Л. 206.
2. Заявление И. Мустамбаева в ЦК ВКП(б) И. Сталину, Л. Кагановичу. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 202. Л. 207-213.

Список литературы

Jancke G. Persons, the 'Autobiographical Person' and Cultural Concepts of the Person: Early Modern Self-narratives from German-speaking Areas in a Transcultural Perspective. *The Medieval History Journal.* 2015. No.18(2), pp.346–377. https://doi.org/10.1177/0971945815601307

Schulze W. „Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte?" *In: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte*. Berlin: Akademie Verlag. 1996. Pp. 11–30

Алаш ақиықтары: Мақалалар, деректі құүжаттар, аудармалар [Мәтін]: алаш мұрасы. Т.5. Құраст. Т. Жүртбай. Алматы: Алаш, 2006. 288 б.

Аманжолова Д. «…Совсем по- сталински…»: советская власть, ее посредники и этнополитическая элита в Казахской АССР в 1920-е годы. В: *История народов России в исследованиях и документах.* Москва: Институт Российской истории. 2014. С.5-50.

Арутюнян Н. "Предоставить тексту просто быть…": методологические принципы исследования эго-документов в работах Н. Козловой. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология.* 2019. No.8-2, pp.176-196.

Жанбосинова А. *«Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи»: эго-документы в истории политического террора в Казахстане.* Семей: «Интеллект». 2020a. 580 с.

Жанбосинова А. Память как травма: воспоминания жертв политических репрессий в фокусе эго-документов. В: *Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й междунар. науч. конф., посвящ. тридцатилетию Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета* (Барнаул, 2–4 декабря 2020 г.). Вып. 10. Под ред. Т. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ. 2020b. С.214-219

Жанбосинова А., Жандыбаева С., Казбекова А. Эго-документы истории политического террора в Казахстане. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2021. Т.65. Вып.3. С.797–809. https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.209

Зарецкий Ю. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков. В: *Социальная история. Ежегодник*. 2008. Отв. ред. Н. Пушкарева. СПб.: Алетейя. 2008. С.329-340.

Зарецкий Ю. История субъективности и история автобиографии: Важные обновления. *Неприкосновенный запас.* 2012. No.3(83), с.184-199.

Зарецкий Ю. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология. *Неприкосновенный запас*. 2021a. No.3(117), с.184-199.

Зарецкий Ю. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. В: *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах*: [коллективная монография]. Под ред. М. Литовской и Н. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. Москва – Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2021b. С.6-28.

Козлов С. Эго-документы в структуре исторической памяти. *Библиосфера.* 2022. No.4, с.5-11. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11.

Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане (Сборник документальных материалов 20-50-х годов XX века). Сост.: М. Койгелдиев, В. Полулях, Ш. Тлеубаев. Алматы: «Алаш» баспасы». 2013. 384 с.

Суржикова Н. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? В: *История в эго документах: Исследования и источники.* Отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург. 2014. С. 6–13.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография]. Под ред. М. Литовской и Н. Суржиковой. Институт истории и археологии УрО РАН. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2021. 408 с.

References

Jancke G. Persons, the 'Autobiographical Person' and Cultural Concepts of the Person: Early Modern Self-narratives from German-speaking Areas in a Transcultural Perspective. *The Medieval History Journal.* 2015. No.18(2), pp.346–377. https://doi.org/10.1177/0971945815601307 (in English)

Schulze W. "Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte?" In: *Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte.* Berlin: Akademie Verlag. 1996. Pp.11–30. (in Deutsch)

Алаш ақиықтары: Мақалалар, деректі құжаттар, аудармалар [Мәтін]: алаш мұрасы. T.5. Zhurtbay T. (ed.). Almaty: Alash, 2006. 288 p. (in Kazakh)

Amanzholova D. «…Sovsem po- stalinski…»: sovetskaia vlast, ee posredniki i etnopoliticheskaia elita v Kazakhskoi ASSR v 1920-e gody. In: *Istoriia narodov Rossii v issledovaniiakh i dokumentakh. In History of the Peoples of Russia in Research and Documents.* Moscow: Institute of Russian History. 2014. Pp.5–50. (in Russian)

Arutyunyan N. "Predostavit tekstu prosto byt…": metodologicheskie printsipy issledovaniia ego-dokumentov v rabotakh N. Kozlovoi. *RSUH Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies.* 2019. No.8–2, pp.176–196. (in Russian)

Zhanbossinova A. *«Proshu sniat s menia nezasluzhennoe kleimo 58-i stati»: ego-dokumenty v istorii politicheskogo terrora v Kazakhstane.* Semey: Intellekt. 2020a. 580 p. (in Russian)

Zhanbossinova A. *P*amiat kak travma: vospominaniia zhertv politicheskikh repressii v fokuse ego-dokumentov. In: *Ethnography of Altai and Adjacent Regions: Proceedings of the 10th Int. Conf.* Barnaul: Altai State Pedagogical University. 2020b. Pp.214–219. (in Russian)

Zhanbossinova A., Zhandybaeva S., Kazbekova A. Ego-dokumenty istorii politicheskogo terrora v Kazakhstane. *St. Petersburg University Bulletin. History.* 2021. Vol.65, is.3, pp.797–809. https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.209 (in Russian)

Zaretsky Yu. Svidetelstva o sebe: novye issledovaniia gollandskikh istorikov. *In: Social History.* Yearbook, ed. N. Pushkareva. SPb.: Aleteya. 2008. Pp.329–340. (in Russian)

Zaretsky Yu. Istoriia subieektivnosti i istoriia avtobiografii: Vazhnye obnovleniia. *An inviolable reserve* 2012. No.3(83), pp.184–199. (in Russian)

Zaretsky Yu. Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiia, metodologiia. *An inviolable reserve.* 2021a. No.3(117), pp.184–199. (in Russian)

Zaretsky Yu. Ego-dokumenty: Rossiia pervoi poloviny KhKh veka v mezhistochnikovykh dialogakh. In: *Ego-Documents: Russia in the First Half of the 20th Century in Intertextual Dialogues* (Ed. M. Litovskaya & N. Surzhikova). Moscow–Yekaterinburg: Cabinet Scholar. 2021b. Pp.6–28. (in Russian)

Kozlov S. Ego-dokumenty v strukture istoricheskoi pamiati. *Bibliosphere.* 2022. No 4, pp. 5–11. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11 (in Russian)

Koigeldiev M., Polulyakh V., Tleubaev Sh. (eds.). *Krasnyi terror: iz istorii politicheskikh repressii v Kazakhstane* (Sbornik dokumentalnykh materialov 20-50-kh godov KhKh veka). Almaty: Alash Publishing. 2013. 384 p. (in Russian)

Surzhikova N. *E*go-dokumenty: intellektualnaia moda ili osoznannaia neobkhodimost? In: *History in*

Ego-Documents: Research and Sources. ed. N. Surzhikova. Yekaterinburg. 2014. Pp.6–13. (in Russian)

Ego-dokumenty: Rossiia pervoi poloviny KhKh veka v mezhistochnikovykh dialogakh: [kollektivnaia monografiia]. Litovskaya M., Surzhikova N. (eds.). Moscow–Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2021. 408 p. (in Russian)

Information about authors

Khalil B. Maslov – PhD, Leading Researcher, Alash Research Institute, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 11, Satpaev Str., 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-2027-0078, khalil.maslov@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Халил Борисович Маслов – PhD, «Алаш» ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-2027-0078, khalil.maslov@mail.ru

Сведения об авторах

Халил Борисович Маслов – PhD, ведущий научный сотрудник НИИ «Алаш», Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-2027-0078, khalil.maslov@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер ақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.06.2025.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.08.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2025.